

очень часто взрослых людей, которых все называют детьми, неразумными именно потому, что, развившись физически, они не развились духовно и, оставшись только при возможности разума, не осуществили его в действительности. Итак, истинная действительность человека состоит именно в его духовном развитии, в осуществлении его разума, он должен познать бесконечную истину, составляющую его субстанцию, его сущность, и осуществлять ее в своих действиях, так что в тождестве истинного знания и действий человека, в истине его теоретического мира и в сообразности практического мира с теоретическим заключается вся действительность его. Дитя же, как принадлежащее к человеческому роду, единственная сущность которого есть разум, – разумно; но, как не развившее своей разумности, оно есть только внутренняя возможность разума, а не действительность его; оно не знает истины и не может поступать сообразно с нею – в этом заключается его невинность, – невинность, улетучивающаяся в развитии самосознания; не зная истины, оно не знает и лжи, не зная добра, оно не знает зла, в познании же зла заключается источник всякого греха. Но, несмотря на то что оно не действительно как разумное, оно все-таки существует, живет, имеет внешнее пребывание, и все существование, вся внешняя действительность его состоит в удовлетворении потребностей животного организма. Правда, что в самом непроницаемом тумане его чувственной жизни уже просвечивают лучи бесконечного Духа; но это не более как мгновенные озарения, свидетельствующие только о его божественном происхождении и не достигающие действительного существования; действительное существование его ограничивается чувственной жизнью, которая, как не положенная (*gesetzt*), не произведенная его разумной сущностью, не есть самоосуществление пребывающего в нем разума и не соответствует его внутренней, бесконечной возможности; и дитя есть внутреннее противоречие – противоречие между бесконечностью его внутренней идеальной сущности и ограниченностью его внешнего существования, противоречие, которое есть источник движения, развития, стремящегося единственно только к его разрешению. В чем же состоит это разрешение?

В обнаружении, в самоосуществлении внутренней разумности и в отрицании не соответствующей ей внешности – так, чтоб внешнее существование развивающегося человека соответствовало его внутренней бесконечной сущности. Как Дух, всякий человек имеет *субстанцию*, единственным источником своей человеческой жизни – *абсолютную истину*, бесконечную всеобщность и полноту разума. И потому всякий в *единичности своей есть Всеобщий* и, как имеющий в себе всеобщее, может *возвыситься* до него, не выходя из своей единичности, может познавать всеобщее, истину и осуществлять ее силой своей свободной воли. Мы видели, что всеобщее есть единственная основа, истина и необходимость всего сущего, необходимость, которой все покорено и которой ничто избегнуть не может. Все сущее как в физическом, так и в духовном мире происходит, развивается, живет и проходит по необходимым и определенным законам, и эти законы, как определенные и особенные мысли, суть необходимые члены единого, бесконечного и нераздельного организма *всеобщего – разума*.

Вследствие этого, не говоря уже об органическом развитии человека, вполне подчиненном законам органической жизни, само духовное развитие, как развитие и самоосуществление заключающегося в нем разума, покорено необходимости, а именно: необходимости развивающегося разума, всеобщего. Разум проникает все мироздание, бессознательное развитие которого, также, как и сознательное развитие человека, подчинено его неперменным и вечным законам. Из этого могут заключить, что человек не есть существо свободное, и это будет противоречить существенному определению человеческого духа, сущность которого есть свобода. Но разве необходимость исключает свободу? Нисколько. Повинуясь *внешней* необходимости, я не свободен как условленный и ограниченный *со-вне* и потому, что законы, улавливающие и определяющие мое существование, не во мне, но вне меня. Как чувственный, единичный организм я не свободен, потому что я, безусловно, подчинен всеобщим законам органической жизни, существующим независимо от моей единичной индивидуальности и вместе вполне обнимающим ее; пробуждение и удовлетворение моих физических потребностей и весь жизненный процесс моего организма независимы от меня как необходимые определения всеобщности органической жизни, – всеобщности, которой я как единичный организм есть только частное, преходящее осуществление. Это абсолютное рабство единичного организма еще сильнее является в животном, как только *единичном в своей единичности* и как не имеющем в свободной мысли всемогущего средства к освобождению. Оно не свободно, потому что, будучи, с одной стороны, осуществлением всеобщего, имеющего в нем свою единственную действительность, оно, с другой стороны, не обнимает его собою, не включает его в себе, а потому и не в силах возвыситься до него – до истины, не в